Екатерина Погорельская

Проэкт: Пробуждение

Погорельская Екатерина

Проэкт: Пробуждение

https://litres.ru/74792767
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, в котором больше нет места боли, страху и несчастью, кажется идеальным. Но за обещанием всеобщего счастья скрывается система, которая лишает людей главного — права быть собой.

Когда Людмила становится частью неизвестного эксперимента, её близкие узнают, насколько далеко зашёл Проект. Теперь им предстоит столкнуться с миром, где человеческая воля подчинена чужой цели, а свобода может оказаться опаснее послушания.

Но можно ли вернуть себе жизнь, если даже собственное сознание больше не принадлежит тебе?

Содержание

Глава 1. Право на несчастье 4
Глава 2. Иллюзия исцеления 35
Глава 3. Имя больше не требуется 77
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Погорельская Екатерина
Проэкт: Пробуждение

Глава 1. Право на несчастье

Белая вспышка погасла так же внезапно, как и появилась.

На несколько секунд Федя ничего не видел.

Перед глазами плавали ослепительно-белые пятна. В ушах стоял тонкий, противный звон, будто кто-то ударил по огромному стеклянному колоколу прямо у него над головой.

Он зажмурился.

— Люда?..

Ответа не было.

Фёдор медленно открыл глаза.

Сначала он увидел только размытый силуэт.

Человек.

Женщина.

Людмила.

Она стояла посреди комнаты совершенно неподвижно.

Слишком неподвижно.

Фёдор сделал шаг вперёд.

— Кукурузка?

Теперь он увидел её лицо.

По коже стекали тонкие алые дорожки. Кровь вытекала

из носа, собиралась на верхней губе и маленькими каплями падала на пол. Ещё несколько тёмных полос спускались из ушей к шее.

Но Люда словно не замечала этого.

Она даже не моргала.

На её голове находился обруч.

Тот самый.

Федя сразу узнал его.

Только теперь металлическая поверхность казалась другой. По ней пробегали едва заметные светящиеся линии, складываясь в странные символы. Они вспыхивали и исчезали, будто обруч не просто лежал на голове Люси, а жил собственной жизнью.

— Господи...

Фёдор остановился.

— Люда, ты меня слышишь?

Её губы шевельнулись.

Очень тихо.

— Сэ... лира... нок...

Фёдор нахмурился.

— Что?

Люда продолжала говорить.

— Ара... теш... ну ваэ... к'тари...

Звуки были странными.

Некоторые напоминали человеческую речь. Другие — совершенно нет. В одном слове Фёдор вдруг услышал знако-

мое русское окончание, а уже через секунду оно сменилось резким, гортанным звуком, которого он никогда раньше не слышал.

Он почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Люся, прекрати. Посмотри на меня.

Она медленно подняла голову.

Её взгляд наконец встретился с его глазами.

И Фёдор отшатнулся.

Это была Люда.

И одновременно — будто уже не совсем она.

В её глазах не было привычного испуга. Ни боли. Ни растерянности.

Только какое-то невероятное напряжение.

Будто внутри неё происходил разговор сразу с десятками голосов.

— Фе... дя...

Он замер.

— Да. Да, Кукурузка. Я здесь.

Её губы дрогнули.

— Не... подходи...

— Что?

— Не подходи ко мне.

Голос прозвучал хрипло, почти безжизненно.

Фёдор всё же сделал полшага вперёд.

— Ты ранена. У тебя кровь.

— Я знаю.

— Тогда нужно снять этот обруч.

При этих словах Люда резко схватилась за металлическую дугу обеими руками.

— Нет!

Крик оказался настолько неожиданным, что Фёдор вздрогнул.

Обруч вспыхнул.

В воздухе вокруг Люси прошла едва заметная волна.

Стёкла в окнах задрожали.

— Не трогай его! — прошептала она.

— Почему?

Люда тяжело дышала.

— Потому что...

Она замолчала.

На её лице появилась боль.

— Потому что он уже внутри.

— Что внутри?

Люда закрыла глаза.

И снова начала бормотать.

— Ваар... нэри... сол... эйра... Проект... завершён...

Последние два слова прозвучали совершенно отчётливо.

Федя застыл.

— Что ты сказала?

Люся открыла глаза.

Теперь в них появился страх.

Настоящий.

Человеческий.

— Проект завершён.

Фёдор почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Какой проект?

Людмила молчала.

— Люда, какой проект?!

Она посмотрела куда-то ему за плечо.

Будто увидела там кого-то ещё.

— Они проснулись...

— Кто?

— Те, кого мы не должны были будить.

Федя медленно обернулся.

За его спиной ничего не было.

Только тёмная комната.

Разбитый прибор.

Осколки стекла.

И слабое голубоватое свечение, оставшееся после вспышки.

Он снова посмотрел на Люду.

— Здесь никого нет.

— Ты не видишь.

— Кого?

Люся прошептала:

— Их.

В комнате стало тихо.

Настолько тихо, что Фёдор услышал собственное дыха-

ние.

А потом из глубины обруча донёсся звук.

Тихий.

Почти музыкальный.

Три коротких сигнала.

Пауза.

Ещё три.

Фёдор медленно поднял глаза.

Светящиеся символы на обруче начали меняться.

Один за другим.

Будто устройство что-то передавало.

— Люда...

— Не слушай, — прошептала она.

— Что?

— Что бы ты ни услышал — не отвечай.

Федя почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— Почему?

Люда посмотрела прямо на него.

И вдруг сказала совершенно чужим голосом:

— Потому что они уже знают, где ты.

Фёдор застыл.

— Люся?

Она резко схватилась за голову.

— Нет... нет... нет...

— Кукурузка!

— Уйди!

— Я не оставлю тебя!

— УЙДИ!

По комнате снова прошла волна.

Фёдора отбросило назад.

Он ударился спиной о стену и на несколько секунд потерял дыхание.

Люда стояла посреди комнаты, дрожа всем телом.

Кровь всё ещё стекала из её носа.

Обруч сиял всё ярче.

А её губы снова зашевелились.

Но теперь Фёдор понял.

Она не говорила сама.

Через неё кто-то говорил с ними.

— Федя...

Он с трудом поднялся.

— Я здесь.

Люда посмотрела на него.

В её глазах стояли слёзы.

— Если ты меня ещё помнишь...

Она судорожно вздохнула.

—...не дай им забрать меня.

Федя ничего не ответил.

Потому что в этот момент за окном вспыхнул ещё один белый свет.

Только теперь он был далеко.

Над городом.

И вслед за ним небо на мгновение прорезали десятки тонких светящихся линий.

Будто где-то за пределами человеческого мира открывались двери.

Одна за другой.

Фёдор сорвался с места.

— Люся!

Он бросился к ней, не разбирая дороги. В его глазах был такой страх, что Фёдор на мгновение сам забыл обо всём остальном. Перед ним стояла не чужая подопытная и не носительница неизвестного устройства. Это была его сестра.

Людмила не двигалась.

Он сам схватился за металлическую дугу — и тут же отдёрнул руку.

Обруч вспыхнул.

В воздухе прошла волна.

Стёкла задрожали.

— Не трогай его! — прошептала Люда.

Она стояла посреди комнаты, выпрямившись, словно кто-то удерживал её за невидимые нити. На голове мерцал тонкий металлический обруч. От его поверхности исходили едва заметные импульсы света, пробегавшие по вискам и ухо-

дившие куда-то под кожу.

Кровь медленно стекала из носа.

Красные дорожки тянулись из ушей к шее.

— Я вытащу тебя! — крикнул отец и схватился за её плечи.

— Нет!

Фёдор рванулся вперёд и перехватил его руку.

— Не трогайте её!

— Отпусти меня!

— Если сейчас потянуть её силой, вы можете её убить!

Отец резко обернулся.

— Это моя дочь!

— Я знаю!

— Тогда убери руки!

— Послушайте меня! — Федя повысил голос. — Обруч сейчас не просто держится на голове. Он подключён к нервной системе!

Отец замер.

— Откуда ты знаешь?

Фёдор посмотрел на устройство.

По его краям пробегали крошечные вспышки.

— Потому что он реагирует на движение.

Алексей, стоявший у двери, тихо спросил:

— Что делать?

Фёдор посмотрел на устройство.

— Ничего. Если потянем — она умрёт.

— Почему?

— Внутри аварийный протокол. Самоуничтожение.

Словно подтверждая его слова, обруч тихо щёлкнул.

Людмила вздрогнула.

Её пальцы судорожно сжались.

— А-а... — выдохнула она.

— Люда?

Она медленно подняла глаза.

Но взгляд был странным. Будто она смотрела не на отца, а куда-то сквозь него.

— Не... тяните...

Голос прозвучал одновременно двумя интонациями.

Одна была человеческой.

Людиной.

А вторая — холодной, металлической, с едва уловимым искажением.

— Она говорит! — прошептал отец.

— Люся, слышишь меня? — брат осторожно приблизился. — Посмотри на меня.

Её губы дрогнули.

— Фе... дя...

— Да. Я здесь.

На несколько секунд в её глазах появилось что-то знакомое.

Страх.

Настоящий страх.

— Сними... — прошептала она. — Сними его...

Федя сделал шаг к ней.

— Я сниму. Но медленно.

— Сейчас! — потребовал отец. — Просто сорви его!

— Нет!

Фёдор резко посмотрел на него.

— Если внутри действительно установлен управляющий чип, резкое отключение может запустить аварийный протокол.

Отец побледнел.

— Какой ещё протокол?

Федя сглотнул.

— Самоуничтожение.

Повисла тишина.

Даже воздух словно застыл.

— Ты хочешь сказать... — отец посмотрел на Люду, — они сделали так, чтобы она могла погибнуть, если кто-то попытается её освободить?

— Я не знаю, что именно они установили. Но рисковать нельзя.

— Тогда что нам делать?!

Фёдор снова посмотрел на Люду.

Обруч пульсировал.

Раз.

Другой.

Третий.

Каждый импульс сопровождался едва слышным звуком, похожим на далёкий шёпот.

Люся вдруг зажмурилась.

— Он считает...

— Что? — спросил Фёдор.

— Импульсы...

Она тяжело дышала.

— Он... проверяет...

— Что проверяет?

Люда открыла глаза.

На этот раз в них был ужас.

— Меня.

Фёдор почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Люда, слушай меня. Не сопротивляйся устройству. Просто дыши.

— Оно... слышит тебя...

Федя замолчал.

— Что?

— Оно слышит...

Она медленно повернула голову.

Обруч снова вспыхнул.

И голос Люси изменился.

— Не пытайтесь отключить систему.

Отец отшатнулся.

— Это не она...

Фёдор ничего не ответил.

Он смотрел на Люду и пытался понять, где заканчивается её собственное сознание и начинается то, что теперь находилось внутри неё.

Люда вдруг едва заметно пошевелила пальцами.

Три коротких движения.

Пауза.

Ещё два.

Федя нахмурился.

— Что ты делаешь?

Она посмотрела прямо на него.

И одними губами прошептала:

— Помоги мне.

В следующую секунду обруч резко засветился.

Где-то внутри него прозвучал сухой механический щелчок.

Фёдор мгновенно понял.

Система перешла на следующий этап.

И теперь у них оставалось совсем немного времени.

Людмила медленно открыла глаза.

Фёдор сначала даже не понял, что изменилось.

Она смотрела прямо на него. Лицо оставалось почти непо-

движным, только дыхание было тяжёлым и прерывистым.

— Люся?.. — тихо позвал он.

Она не ответила.

Фёдор сделал шаг ближе.

И тогда заметил её глаза.

Левый зрачок оставался человеческим — круглый, тёмный, дрожащий от страха.

А правый...

Он начал медленно сужаться.

Круглая чёрная точка вытянулась вверх и вниз, превращаясь в тонкую вертикальную щель.

Федя застыл.

— Господи...

Отец Люды тоже увидел это.

— Что с её глазом?

Люда моргнула.

На мгновение оба глаза снова стали одинаковыми.

Фёдор выдохнул.

Но затем правый зрачок снова изменился.

Вертикальная чёрная линия расширилась, поглотив почти всю радужку.

Люся посмотрела на отца.

Потом на Федю.

И очень тихо прошептала:

— Они слышат нас.

Отец побледнел.

— Кто?

Людмила не ответила.

Её взгляд медленно переместился к стене.

Будто за ней кто-то стоял.

— Люда, здесь никого нет, — сказал Фёдор.

Она едва заметно покачала головой.

— Есть.

— Где?

— Везде.

Обруч на её голове тихо загудел.

Фёдор почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Не говори ничего лишнего, — прошептала Люда. — Не называй имён.

— Каких имён?

Она резко посмотрела на него.

Человеческий глаз наполнился слезами.

Инопланетный оставался совершенно неподвижным.

— Наших.

Отец шагнул к дочери.

— Люся, я твой отец. Ты меня слышишь?

Она посмотрела на него.

Несколько секунд молчала.

А потом её губы дрогнули.

— Да...

В этом коротком слове впервые за всё время прозвучала настоящая Люда.

— Папа...

Он хотел броситься к ней, но Фёдор удержал его.

— Подождите.

— Она меня узнала!

— Я знаю. Но посмотрите на обруч.

По его поверхности одна за другой загорались маленькие светящиеся точки.

Одна.

Вторая.

Третья.

Четвёртая.

Люда закрыла человеческий глаз.

— Они проснулись...

— Кто? — спросил Фёдор.

Она прошептала:

— Те, кто слушал.

В комнате раздался тихий щелчок.

А затем из обруча донёсся чужой голос.

Негромкий.

Почти человеческий.

— Мы слышим.

Отец отшатнулся.

Фёдор медленно поднял взгляд на Люсю.

Её вертикальный зрачок расширился.

И Людмила улыбнулась.

Но это была не её улыбка.

Первым изменился звук.

До этого в коридоре стояла почти мёртвая тишина — только тяжёлое дыхание Люды, тихое гудение обруча и едва слышный электрический треск в стенах.

Затем один из патрульных резко поднял голову.

Фёдор сразу заметил движение.

Нечеловеческое.

Слишком точное.

Патрульный одновременно выпрямился, повернул корпус и сделал шаг вперёд.

Следом пришли в себя остальные.

Один.

Второй.

Третий.

Все одновременно.

Одинаковый поворот головы.

Одинаковый угол наклона плеч.

Одинаковый шаг.

Будто перед Фёдором находился не отряд из нескольких существ, а одно огромное существо, разделённое на несколько тел.

— Они очнулись, — выдохнул отец Люды.

В следующий момент коридор прорезал механический голос.

Мягкий.

Почти ласковый.

И от этого ещё страшнее.

— Не сопротивляйтесь. Процесс возвращения к норме будет продолжен.

Патрульные не произнесли ни слова.

Они просто подняли оружие.

— В укрытие! — крикнул Фёдор.

Грохот выстрелов разорвал коридор.

Пули ударили в стену рядом с ними, выбивая бетонную крошку.

Федя пригнулся и потянул сестру за собой.

— Люся!

Она пошатнулась.

Брат схватил её за руку и резко потянул в сторону.

— Сюда!

Виктор прикрывал их отстрелами.

Ещё очередь.

С потолка посыпалась пыль.

Фёдор выглянул из-за бетонной колонны.

Патрульные продвигались вперёд.

Не спеша.

Без криков.

Без суеты.

Один стрелял.

Второй прикрывал.

Третий перемещался на несколько метров в сторону.

Через секунду первый повторял движение третьего.

Федя прищурился.

— Они не принимают решения сами...

— Что? — спросил отец.

— Они видят одно и то же.

Фёдор наблюдал за ними несколько секунд.

Патрульный справа поднял оружие.

Через долю секунды двое остальных сделали то же самое.

— Они связаны.

— Нам-то что с этого?!

— То, что если заставить одного изменить позицию, остальные будут реагировать.

Очередная очередь ударила по колонне.

Фёдор отступил.

В голове уже складывалась схема.

Коридор.

Два боковых прохода.

Лестница.

Дверь в технический блок.

И запасной выход.

Тот самый, о котором говорили люди Сопротивления.

Если он ещё не заблокирован.

— Нам нужно уходить, — сказал Фёдор.

— Куда?

— На западный коридор.

Отец посмотрел на него так, будто решил, что Федя сошёл с ума.

— Там патруль!

— Поэтому мы туда и пойдём.

— Ты предлагаешь идти прямо на них?!

— Нет. Я предлагаю заставить их думать, что мы идём прямо на них.

Фёдор достал оружие.

Его голос оставался спокойным.

— Когда скажу — стреляйте в потолок.

— В потолок?

— Да.

— Зачем?

— Просто делайте.

Федя дождался следующей паузы.

Патрульные снова синхронно двинулись вперёд.

— Сейчас.

Несколько выстрелов ударили вверх.

Посыпалась штукатурка.

Коридор мгновенно заволокло пылью.

Фёдор первым рванул в боковой проход.

— Бежим!

Отец потащил Люду следом.

Позади снова заговорила Система:

— Ваше сопротивление не имеет смысла.

Патрульные двинулись за ними.

Федя оглянулся.

Через пыль он увидел их силуэты.

Все трое одновременно повернули головы.
Он усмехнулся.
— Именно этого я и хотел.
— Чего?!
— Чтобы они пошли за нами.
Фёдор свернул резко, почти не сбавляя скорости.
— Здесь!
Они влетели в узкий технический коридор.
Дверь за ними захлопнулась.
Отец тяжело дышал.
— Мы оторвались?
Федя приложил палец к губам.
Все замолчали.
Снаружи послышались шаги.
Раз.
Два.
Три.
И снова — одновременно.
Фёдор медленно поднял оружие.
Но патрульные не вошли.
Они остановились перед дверью.
Система произнесла:
— Выберите выход.
Фёдор нахмурился.
— Она знает, где мы.
— Что теперь? — прошептал отец.

Федя посмотрел на Люду.

Она стояла, прислонившись к стене.

Один глаз оставался человеческим.

Второй — с вертикальным зрачком — неподвижно смотрел в темноту.

— Не сюда, — прошептала она.

— Что?

— Они ждут нас здесь.

Фёдор замер.

Потом посмотрел на стену.

На старые трубы.

На ржавую металлическую панель.

И вдруг заметил небольшой знак.

Три короткие линии, перечёркнутые одной длинной.

Знак Сопротивления.

— Вот он...

Федя подошёл к панели и провёл рукой по краю.

— Помогите.

Отец подбежал к нему.

— Что искать?

— Механизм.

Они начали ощупывать стену.

За дверью послышался металлический щелчок.

Фёдор замер.

— Быстрее.

— Здесь ничего нет!

— Должно быть.

Щелчок повторился.

На этот раз ближе.

Патрульные начинали открывать дверь.

Федя ударил ладонью по панели.

Та неожиданно поддалась.

За ней обнаружилась узкая щель.

— Нашёл!

Они потянули панель на себя.

За ней оказался тёмный проход.

Холодный воздух ударил в лицо.

Запасной выход.

Подготовленный Сопротивлением.

— Люся первая, — сказал Виктор.

Федя помог сестре забраться внутрь.

— Я за ней.

— Нет. Вы идёте последним.

— Почему?

— Потому что если дверь откроется раньше времени, я задержу их.

— Ты не справишься один.

Фёдор посмотрел на него.

— Я не собираюсь с ними сражаться.

Он оглянулся на закрытую дверь.

— Я собираюсь заставить их потерять время.

Дверь за их спинами дрогнула.

Раз.

Другой.

Виктор подтолкнул Федю к проходу.

— Идите!

— Виктор....

— Забирай Люду и остальных!

Мужчина исчез в темноте.

Фёдор остался один.

За дверью стояли патрульные.

Он слышал их абсолютно синхронные шаги.

И снова мягкий голос Системы:

— Фёдор. Не бойся. Мы не причиним тебе вреда.

Федя усмехнулся.

— Врёшь.

— Мы созданы для вашего счастья.

Он поднял оружие.

— Тогда сегодня я откажусь быть счастливым.

Дверь начала открываться.

Фёдор выстрелил в замок, развернулся и бросился к запасному проходу.

Позади раздался механический голос:

— Обнаружено отклонение.

И впервые в его голосе появилась едва заметная пауза.

— Исправить.

Дым быстро заполнил коридоры.

Сначала он был тонким, почти прозрачным. Затем стал

густым, серым, едким. Он стелился по полу, поднимался к потолку, просачивался в комнаты через щели под дверями.

Сирены завыли.

— Сохраняйте спокойствие.

Мягкий голос Системы звучал из динамиков, но теперь в нём появились помехи.

— СЧАСТЬЕ — ЭТО НОРМА. СЧАСТЬЕ — ЭТО БЕЗОПАСНОСТЬ. СЧАСТЬЕ — ЭТО...

Голос оборвался.

На несколько секунд наступила тишина.

А потом кто-то закричал.

— Мама!

Крик был настолько человеческим, что Фёдор остановился.

Из соседнего помещения выбежала девушка.

Она была одной из «счастливых».

Её лицо уже изменилось после процедуры, движения были спокойными и размеренными, как у остальных.

Но теперь она хваталась за голову.

— Мама! Где моя мама?!

— Сохраняйте спокойствие, — повторила Система. — Данные воспоминания не являются актуальными.

— Нет...

Девушка замотала головой.

— Нет! Я помню!

Она упала на колени.

— Я помню её руки...

Её пальцы задрожали.

— Она заплетала мне волосы перед школой...

Другой человек появился в дыму.

Женщина лет тридцати.

Она смотрела на собственные ладони так, будто видела их впервые.

— Я... была беременна...

Она судорожно вздохнула.

— У меня был ребёнок.

— Воспоминание ошибочно.

— Нет!

Женщина закричала.

— Я держала его!

Она прижала руки к груди.

— Он плакал... Господи, он плакал...

Рядом кто-то начал смеяться.

Безумно.

Громко.

Человек стоял посреди коридора и смеялся, закрывая лицо ладонями.

— Я вспомнил...

Смех перешёл в рыдание.

— Я вспомнил, почему мы здесь.

Ещё один голос.

— Папа...

Другой:

— У меня был брат.

— Я жила в другом доме!

— Меня звали не так!

— Я не Литунаа!

Последняя фраза прозвучала особенно отчаянно.

Федя резко повернул голову.

В дыму стояла девушка.

Она смотрела на свои руки.

Потом на своё отражение в разбитом стекле.

— Меня звали Таня...

Она коснулась лица.

— Таня...

Слово прозвучало так, будто она заново училась произносить собственное имя.

— Меня звали Таня.

Система попыталась перекрыть человеческие голоса.

— Граждане, сохраняйте спокойствие. Воспоминания являются симптомом временной нейронной нестабильности. Не сопротивляйтесь. Счастье восстановится.

— Заткнись!

Кто-то бросил в динамик металлический предмет.

— Я НЕ ХОЧУ ВОЗВРАЩАТЬ СЧАСТЬЕ!

Началась паника.

Люди метались по коридорам.

Кто-то пытался открыть запертые двери.

Кто-то бил кулаками по стенам.

Кто-то смеялся.

Кто-то плакал.

А кто-то просто стоял неподвижно, переживая воспоминания, которые годами были спрятаны внутри сознания.

Федя смотрел на происходящее и понимал самое страшное.

Они не сходили с ума.

По крайней мере, не все.

Они вспоминали.

А память оказалась больнее любой пытки.

Женщина у стены вдруг прошептала:

— Я отдала им дочь...

Она закрыла рот ладонью.

— Нет... нет...

— Ваш ребёнок был передан в соответствии с протоколом.

— Я сказала — нет!

Она ударила кулаком по динамику.

— Я вспомнила!

В другом конце коридора раздался детский плач.

Фёдор вздрогнул.

Но никакого ребёнка там не было.

Это был взрослый мужчина.

Он стоял, прижавшись спиной к стене, и плакал так, словно снова оказался маленьким.

— Я слышал, как она кричала...
— Кого? — спросил кто-то.
Он поднял глаза.
— Мою сестру.
Повисла тишина.
— Они сказали, что она стала счастливой.
Он горько рассмеялся.
— А я поверил.
Дым становился гуще.
Вспышки выстрелов освещали коридор.
Патрульные двигались среди людей.
Они не реагировали на крики.
Не пытались успокоить.
Не выражали ни страха, ни раздражения.
Их головы поворачивались одновременно.
Они видели толпу.
Не людей.
Ресурс.
Биологический материал.
Нарушение протокола.
Один из патрульных поднял оружие.
Система произнесла:
— Обнаружено массовое нарушение нейронного контроля.
Пауза.
— Начать коррекцию.

Патрульные одновременно подняли оружие.

Фёдор понял, что сейчас произойдёт.

— Все вниз!

Очередь ударила по стене.

Люди закричали и бросились в разные стороны.

Федя выстрелил в потолок над патрульными.

Обрушилась часть металлической конструкции.

Патрульные отступили на шаг.

Все одновременно.

Фёдор заметил это.

И понял.

— Они всё ещё связаны.

Он повернулся к людям.

— Сюда! В технический коридор!

Никто не двигался.

Люди были парализованы собственными воспоминаниями.

— Вы хотите жить?! — крикнул Федя.

Несколько человек посмотрели на него.

— Тогда двигайтесь!

Первой поднялась девушка.

Та самая, которая вспомнила мать.

Она вытерла слёзы.

— Я хочу её помнить.

Она побежала.

За ней двинулись остальные.

Фёдор прикрывал их отход.

А над всем этим продолжал звучать голос Системы:

— СЧАСТЬЕ — ЭТО НОРМА.

Но теперь никто ему не верил.

Потому что впервые за много лет люди вспомнили, что значит быть несчастными.

И вместе с болью они вспомнили, что значит быть людьми.

Глава 2. Иллюзия исцеления

Фёдор уже почти добрался до технического коридора, когда услышал крик.

Не испуганный.

Больной.

Отчаянный.

Он резко остановился.

— Помогите!

Крик донёсся из соседнего помещения.

Фёдя повернул голову и увидел девушку.

Она стояла у стены, почти полностью скрытая дымом.

На ней всё ещё была стандартная одежда «счастливых», но теперь она была разорвана на плечах. Девушка обеими руками вцепилась себе в кожу.

— Нет... нет... нет...

Она царапала шею, пытаясь содрать с неё гладкий серовато-тый слой.

— Я не такая...

Фёдор бросился к ней.

— Эй! Стой!

Она даже не посмотрела на него.

— Уберите это!

Пальцы снова впились в кожу.

— Уберите с меня это!

Фёдя перехватил её руки.

— Не надо!

— Отпусти!

Она забилась, пытаясь вырваться.

— Отпусти меня!

— Ты себе навредишь!

— Мне уже навредили!

Девушка закричала так громко, что Фёдор невольно отшатнулся.

— Они сделали это со мной!

Она указывала на своё лицо.

На гладкую кожу.

На место, где когда-то был нос.

На голову, лишённую волос.

На неровные костяные наросты, выступавшие по линии черепа и уходившие вниз, к шее.

— Я помню!

Её голос сорвался.

— Я помню, какая я была!

Фёдор застыл.

Девушка тяжело дышала.

— У меня были волосы...

Она провела рукой по своей голове.

— Длинные. Рыжие.

Её губы задрожали.

— Я помню, как мама расчёсывала их.

Она закрыла глаза.

— Она ругалась, когда я не хотела сидеть спокойно.

Девушка улыбнулась сквозь слёзы.

— Я всё время убегала...

Улыбка исчезла.

— А потом...

Она коснулась лица.

— Потом они забрали меня.

Фёдя смотрел на неё и не мог подобрать слов.

Ещё несколько минут назад он думал только об одном — выбраться.

Вытащить Люду.

Добраться до Сопротивления.

Спастись.

Но теперь перед ним стоял человек, который получил то, чего они все так хотели.

Память.

Свободу.

Возможность снова назвать себя своим настоящим именем.

И эта свобода причиняла ей боль.

— Посмотри на меня, — тихо сказал Фёдор.

Она подняла глаза.

— Я не могу...

— Можешь.

— Я не хочу быть такой!

— Ты не обязана любить то, что с тобой сделали.

— Я хочу прежнюю себя!

— Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь!

Она снова попыталась вырвать руки.

— Я помню своё лицо! Я помню, как выглядела!

Она провела пальцами по щеке.

— Я была... нормальной.

Фёдор ничего не ответил.

Он впервые понял, насколько жестокой может быть память.

Когда человек забывает себя, он может жить.

Когда вспоминает — ему приходится увидеть, что именно у него отняли.

Девушка тихо заплакала.

— Почему они не оставили меня такой?

Фёдя посмотрел на неё.

— Потому что им нужна была не ты.

Она подняла взгляд.

— А кто?

— Им нужна была система.

За стеной снова прогремели выстрелы.

Фёдор вздрогнул.

Система заговорила через динамики:

— Граждане, сохраняйте спокойствие. Ваша прежняя идентичность является источником страдания. Не сопротив-

ляйтесь изменениям.

Девушка замерла.

Затем медленно повернула голову к динамику.

— Ты врёшь.

Голос Системы остался таким же ласковым.

— Мы хотим избавить вас от боли.

Девушка засмеялась.

Тихо.

Почти истерично.

— От боли?

Она посмотрела на свои руки.

— Вы отняли у меня всё, а потом назвали это счастьем.

Фёдя почувствовал холод.

Система замолчала.

На секунду.

А затем:

— Зафиксировано эмоциональное отклонение.

В конце коридора появились патрульные.

Они двигались одновременно.

Одинаковыми шагами.

Без выражения на лицах.

Девушка увидела их.

Её глаза расширились.

Она снова начала вырываться.

— Нет!

Фёдор крепче удержал её.

— Бежим!

— Я не могу!

— Можешь!

— Я не хочу оставаться такой!

Фёдя посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда сначала останься живой.

Она замолчала.

Фёдор потянул её за собой.

Они побежали.

Позади патрульные подняли оружие.

А в голове Фёдора впервые появилась мысль, от которой стало страшнее, чем от выстрелов:

А если свобода — это не конец боли?

А если свобода сначала заставляет человека почувствовать всю боль, от которой его когда-то заставили отказаться?

Он посмотрел на бегущую рядом девушку.

Она плакала, но продолжала двигаться.

И Фёдор понял:

счастливые были пленниками.

Но свободные теперь должны были научиться жить с тем, что вспомнили.

Они почти добрались до поворота.

Фёдя бежал первым, постоянно оглядываясь назад.

— Ещё немного! — крикнул он. — Держись!

Девушка бежала рядом, тяжело дыша.

Слёзы всё ещё текли по её изменённому лицу.

— Я... помню...
— Потом! — бросил Фёдор. — Сначала выберемся!
Она кивнула.
И именно в этот момент из дыма раздался выстрел.
Хлопок был коротким.
Почти будничным.
Девушка остановилась.
Фёдя тоже замер.
Она посмотрела вниз.
На одежде расплылось тёмное пятно.
— Нет...
Девушка пошатнулась.
Фёдор успел подхватить её, прежде чем она упала на пол.
— Эй! Эй, держись!
Он осторожно опустил её на землю.
— Ты слышишь меня?
Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.
Человеческими.
Совершенно человеческими.
— Я... не хочу...
— Не говори.
Фёдя прижал ладонь к ране.
— Всё будет нормально.
Он сам понимал, что врёт.
— Я только вспомнила...
Её голос становился всё тише.

— Я вспомнила маму...
Фёдор сжал зубы.
— Ты ещё сама ей всё расскажешь.
Девушка едва заметно улыбнулась.
— Правда?
— Правда.
Она посмотрела куда-то мимо него.
— Я вспомнила... своё имя.
— Как тебя зовут?
Несколько секунд она молчала.
Будто собирала последние остатки сил.
— Марина...
Фёдя повторил:
— Марина.
Она закрыла глаза.
— Красивое...
— Марина, открой глаза.
Она не ответила.
— Марина?
Фёдор потряс её за плечо.
Ничего.
Он приложил пальцы к её шее.
Тишина.
Никакого пульса.
Фёдя медленно убрал руку.
На несколько секунд он просто сидел рядом, не в силах

принять очевидное.

Она умерла.

Всего через несколько минут после того, как вспомнила, кто она.

Вокруг продолжалась перестрелка.

Люди кричали.

Система снова повторяла своё ласковое:

— Сохраняйте спокойствие. Счастье будет восстановлено.

Фёдор поднял голову.

В его взгляде больше не было растерянности.

Только холодная ярость.

Он посмотрел на патрульных.

Они стояли в дыму, совершенно неподвижные.

Один из них опустил оружие.

Все остальные сделали то же самое одновременно.

Словно смерть Марины ничего для них не значила.

Для них она не была Мариной.

Не была дочерью.

Не была человеком.

Просто устранённым отклонением.

Фёдя медленно поднялся.

— Запомните её, — сказал он людям рядом.

Никто не ответил.

— Её звали Марина.

Он посмотрел на остальных.

— Не позволяйте им снова сделать вид, что её никогда не существовало.

Из динамика раздался голос Системы:

— Воспоминание зафиксировано.

Фёдор поднял оружие.

— Тогда пусть запоминает.

И впервые ему стало совершенно ясно:

борьба идёт уже не только за то, чтобы выжить.

Она идёт за право помнить, кем ты был.

Фёдор шёл впереди.

Он двигался уверенно, почти не глядя на указатели.

Иногда останавливался, проводил ладонью по стене, прислушивался к гулу труб и только потом выбирал очередной проход.

— Откуда ты знаешь дорогу? — тихо спросил отец Люси.

— Знаю.

— Этих тоннелей нет ни на одной карте.

— Поэтому мы ими и пользуемся.

Фёдя свернул в узкий проход.

Пришлось идти боком, прижимаясь плечами к холодным бетонным стенам.

Люда по-прежнему лежала у него на руках.

Она не приходила в себя.

— Ещё долго? — спросил кто-то сзади.

— Если не ошибся — минут десять.

— А если ошибся?

Фёдор даже не обернулся.

— Тогда будем искать другой путь.

Через несколько минут туннель изменился.

Сначала исчезли старые кабели.

Потом появились толстые провода, протянутые вдоль стен.

Они были проложены неровно, местами закреплены изолентой, местами — металлическими скобами.

Затем в темноте показался первый тусклый свет.

Не электрическое освещение.

Обычные лампы.

Старые, жёлтые, некоторые прикрытые металлическими банками, чтобы свет не уходил далеко в туннель.

— Пришли, — сказал Фёдор.

Из темноты показался человек с оружием.

Он поднял фонарь.

Луч света скользнул по лицам.

— Кто?

— Свои.

— Пароль?

Фёдор назвал несколько слов.

Человек сразу опустил оружие.

— Проходите.

Они вошли.

Они спустились по узкой лестнице и остановились перед тяжёлой металлической дверью.

Фёдор постучал: два удара, пауза, один удар.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась.

Они вошли.

Фёдор знал каждый угол этого места. Каждый поворот. Каждую тень.

А вот для тех, кто шёл за ним, — это было впервые.

Лагерь оказался совсем не таким, каким его представляли.

Не было просторных помещений.

Не было сложного оборудования.

Не было армии людей в одинаковой форме.

Была темнота.

Грязь.

Теснота.

И множество людей, которые научились жить там, где нормальный человек не смог бы прожить и недели.

Вдоль стен стояли самодельные фильтры.

Большие пластиковые ёмкости, соединённые трубками.

Вода медленно капала из одной бутылки в другую.

Кап.

Кап.

Кап.

Рядом женщина проверяла фильтрующий слой из ткани, угля и какого-то серого порошка.

— Медленно идёт, — сказала она.

— Засорился?

— Наверное.

— Поменяй уголь.

— Последний.

Мужчина рядом промолчал.

Фёдор прошёл дальше. Те, кто шёл за ним, оглядывались по сторонам с осторожным удивлением.

На полу лежали матрасы.

Старые одеяла.

Картон.

У некоторых людей были настоящие кровати, собранные из металлических конструкций и деревянных досок.

Большинство спало прямо возле стен.

Кто-то ел.

Кто-то чинил одежду.

Кто-то разбирал старую электронику.

Дети сидели возле стены и возились с мелкими металлическими деталями. Но один из них — подросток лет четырнадцати, худой, с обожжёнными пальцами — не играл.

Перед ним на полу лежали разобранные потроха старого терминала: плата, обрывки кабелей, крошечный динамик, вырванный из чьей-то рации. Подросток ловко скручивал провода, что-то бормоча себе под нос. Рядом уже стояла странная конструкция — нечто среднее между приёмником и сканером, собранное из мусора.

Когда Фёдор прошёл мимо, подросток на секунду поднял глаза.

Его взгляд скользнул по лицу Фёдора — узнающе, по-свойски — потом перешёл на Люду.

И задержался на обруче.

Подросток нахмурился. Что-то в устройстве его заинтересовало — или насторожило. Он даже привстал, будто хотел рассмотреть поближе, но передумал. Только тихо спросил, не отрывая взгляда от обруча:

— Он живой?

Федя остановился.

— Что?

— Обруч. Он передаёт?

Фёдор не успел ответить. Подросток уже снова уткнулся в свою поделку, но пальцы его замерли над платой. Будто он услышал что-то, чего другие не слышали.

Один из тех, кто шёл за Фёдором, тихо спросил:

— Они давно здесь?

Фёдор кивнул.

— Некоторые — несколько лет.

— Несколько лет?!

— Некоторые никогда не были наверху.

Они прошли дальше.

И там стало ещё темнее.

— Почему здесь так мало света? — спросил кто-то из пришедших.

Фёдор ответил не сразу.

— Чтобы Система не обнаружила нас.

— Но ведь можно поставить больше ламп.

— Можно.

Он посмотрел на тусклые светильники.

— Только электричество тоже нужно откуда-то брать.

Они остановились возле небольшой комнаты.

На двери висела табличка:

ВОДА. НЕ ТРОГАТЬ.

Внутри находились десятки канистр.

Каждая была подписана датой.

— Здесь хранится питьевая вода, — объяснил Фёдор.

— А еда?

Он указал дальше.

Небольшой склад.

Несколько мешков.

Консервы.

Сухие продукты.

Пара ящиков с овощами.

Всё строго подсчитано.

Ничего лишнего.

Фёдор вдруг увидел женщину, которая сидела у стены и чинила детскую обувь.

Она была очень худой.

На лице — глубокие морщины.

На голове — те же костяные наросты, что были у Люси, только гораздо старше и грубее.

Она подняла взгляд.

— Новые?

Фёдя кивнул.

— Да.

Женщина посмотрела на Люду.

— Она после процедуры?

— Да.

— Давно?

— Сегодня.

Женщина тяжело вздохнула.

— Тогда ей повезло.

Фёдя нахмурился.

— Повезло?

— Она ещё помнит, кем была.

Он ничего не ответил.

Женщина снова опустила глаза к обуви.

— Здесь есть люди, которые не помнят даже собственного имени.

В глубине помещения кто-то засмеялся.

Кто-то закашлялся.

Где-то плакал ребёнок.

А затем заговорил старик:

— Тише.

Все постепенно замолчали.

Фёдя почувствовал, насколько привычной была эта тиши-

на.

Наверху тишина означала контроль.

Здесь — осторожность.

Здесь люди молчали, потому что знали:

стены тоже могут слышать.

Он шёл к знакомому месту у дальней стены, где обычно лежал его матрас.

Но тут из полутёмного коридора вышел мужчина.

Седой. Широкие плечи. Глубокие морщины на лице.

Фёдор остановился.

Мужчина тоже замер.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Семён сделал шаг вперёд.

Его взгляд скользнул по Фёдору — быстро, оценивающе:

цел, невредим. А потом — на Люду.

И остановился.

На секунду лицо отца дрогнуло.

Он не сказал ни слова.

Только медленно подошёл.

Фёдор тихо произнёс:

— Пап…

Семён не ответил. Он уже был рядом с Люсей. Осторожно, почти благоговейно, коснулся её плеча.

— Положим её здесь, — сказал Фёдор, указывая на свободный матрас.

Семён кивнул.

Они вместе осторожно уложили Люду.

Её голова коснулась подушки.

Обруч на голове едва заметно вспыхнул.

Несколько человек сразу отступили.

— Что это? — спросила женщина.

Фёдя посмотрел на устройство.

— Мы пока не знаем.

Семён долго смотрел на обруч. Потом медленно поднял глаза.

— Зато я знаю, что это.

Фёдя поднял глаза.

— Что?

Отец указал на обруч.

— Это не просто устройство контроля.

Он сделал паузу.

— Это передатчик.

В помещении стало тихо.

Очень тихо.

Фёдор посмотрел на Люду.

И впервые заметил, что несколько старых ламп в туннеле начали одновременно мерцать.

Одна.

Вторая.

Третья.

Будто что-то под землёй только что проснулось.
Фёдя сидел рядом с Люсей.
Вокруг продолжалась жизнь Сопротивления.
Кто-то разговаривал вполголоса.
Кто-то чинил фильтр.
Где-то звенела металлическая посуда.
Кто-то кашлянул в темноте.
Но Фёдор почти ничего этого не слышал.
Он смотрел только на сестру.
Люда лежала неподвижно.

Лицо было бледным.

На коже всё ещё оставались следы крови.

Глаза были закрыты.

А на голове — этот проклятый обруч.

Он едва заметно пульсировал.

Фёдя сжал кулаки.

Я успел.

Он повторил это про себя.

Я успел её вытащить.

Она жива.

Дышит.

Сердце бьётся.

Тело цело.

Но почему тогда ему было так страшно смотреть на неё?

Он осторожно коснулся её руки.

Тёплая.

Настоящая.

И всё же...

Фёдор вспомнил её голос.

«Они слышат нас».

Вспомнил вертикальный зрачок.

Чужую интонацию.

То, как она смотрела на него — будто одновременно узнавала и не узнавала.

Он опустил голову.

— Прости меня...

Эти слова вырвались сами.

Отец Люды, стоявший неподалёку, посмотрел на него.

— За что?

Фёдя долго молчал.

— Я должен был понять раньше.

— Ты сделал всё, что мог.

— Нет.

Он покачал головой.

— Я вытащил её тело.

Его голос стал тише.

— Но не знаю, вытащил ли я её саму.

Отец ничего не ответил.

Фёдор посмотрел на Люсю.

Перед глазами на мгновение возникла другая девочка.

Та, которая когда-то смеялась.

Которая могла спорить по пустякам.

Злиться.

Обнимать его.

Которая была просто Людой.

А теперь перед ним лежала девушка с изменённым лицом, гладкой сероватой кожей, костяными наростами и чужим обручем на голове.

Он понимал, что тело можно спасти.

Можно остановить кровь.

Можно обработать рану.

Можно отключить устройство.

Но как вернуть человеку то, что у него отняли внутри?

Фёдя провёл пальцами по её руке.

— Я должен был прийти раньше.

Он закрыл глаза.

— Должен был найти тебя раньше.

На секунду ему показалось, что пальцы Люды слегка дрогнули.

Фёдор мгновенно поднял голову.

— Люся?

Она не проснулась.

Только дыхание стало чуть глубже.

Фёдя замер.

И впервые за долгое время позволил себе надежду.

Может быть, она всё ещё там.

Где-то глубоко.

Под чужими сигналами.

Под имплантами.

Под изменённым телом.

Под тем голосом, который иногда говорил её устами.

Может быть, Люда ещё не потеряна.

Он посмотрел на обруч.

— Я тебя найду, — прошептал он.

— Даже если ты сама себя больше не узнаёшь.

Фёдор осторожно сжал её ладонь.

— Я всё равно тебя узнаю.

И остался сидеть рядом.

Не как боец Сопротивления.

Не как человек, который только что вывел группу из-под огня.

А просто как брат, который боялся, что спас самое ценное слишком поздно.

Фёдор сидел на старом металлическом стуле возле Люды.

Он смотрел на неё, но почти не видел.

Вокруг звучали приглушённые голоса Сопротивления, где-то капала вода, работал самодельный фильтр.

Кап.

Кап.

Кап.

И вдруг в его сознании что-то щёлкнуло.

Не воспоминание, которое он пытался вызвать.

Оно пришло само.

Резко.

Без предупреждения.

Фёдя закрыл глаза.

И снова оказался там.

Много лет назад.

Город выглядел совсем иначе.

На улицах было непривычно мало людей.

На остановках висели объявления:

«СОБЛЮДАЙТЕ КАРАНТИН.»

«НЕ ПОКИДАЙТЕ ДОМ БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ.»

«БЕРЕГИТЕ СЕБЯ И БЛИЗКИХ.»

Люди носили маски.

На дверях домов появлялись красные отметки.

Больницы были переполнены.

По телевизору почти круглосуточно говорили о вирусе.

— Количество заболевших продолжает расти...

На экране появилась женщина в медицинской маске.

— Просим граждан сохранять спокойствие. Учёные работают над созданием эффективного лечения.

Тогда все ещё верили, что это закончится.

Что найдут лекарство.

Что карантин продлится несколько недель.

Месяц.

Может быть, два.

Люди шутили над происходящим.

Звонили родственникам.

Покупали продукты.

Ждали новостей.

А потом в небе появились они.

Сначала люди приняли огромные объекты за военные самолёты.

Потом за неизвестные космические аппараты.

А затем город увидел их.

Корабли.

Огромные.

Беззвучные.

Они зависли над городом, закрывая собой небо.

На улицах началась паника.

Но через несколько минут по всем экранам появилось одно и то же сообщение.

«МЫ ПРИШЛИ ПОМОЧЬ.»

И голос.

Мягкий.

Спокойный.

Почти человеческий.

— Ваш мир столкнулся с эпидемией. Мы обладаем технологиями, способными остановить распространение заболевания.

Люди выходили на балконы.

Смотрели вверх.

Кто-то плакал от облегчения.

Кто-то смеялся.

Кто-то впервые за несколько месяцев обнял близких.

— Они спасут нас...

Так говорили тогда.

Спасители.

Название появилось почти сразу.

Они действительно казались спасителями.

Через несколько дней начали открываться пункты помощи.

На улицах появились большие белые шатры.

Туда приходили целыми семьями.

Мужчины.
Женщины.
Дети.
Всем говорили одно и то же:
— Не бойтесь. Это лечение.
Людей регистрировали.
Сканировали.
Проверяли температуру.
Задавали вопросы.
— Имя?
— Возраст?
— Есть ли хронические заболевания?
— Когда появились первые симптомы?
Всё выглядело организованно.
Даже слишком организованно.
Но тогда никто не обращал внимания.
Люди были счастливы.
Им обещали лечение.
Им обещали конец эпидемии.
Им обещали жизнь.
Фёдя вспомнил мать.
Она держала Люсю за руку.
Люда была ещё совсем маленькой.
Рядом стоял отец.
Все трое смотрели на огромный белый шаттл.
— Нам повезло, — сказала мать.

Отец улыбнулся.

— Наконец-то всё закончится.

Фёдор помнил собственное чувство.

Он тоже верил.

Все верили.

Очередь двигалась вперёд.

— Следующие.

Люди заходили внутрь.

Мужчины.

Женщины.

Дети.

Некоторые махали родственникам через стеклянные двери.

— Скоро увидимся!

— Не волнуйся!

— Нас вылечат!

Никто тогда не знал, что многие из них больше никогда не вернутся прежними.

Воспоминание резко изменилось.

Белый коридор.

Холодный свет.

Люди сидят на скамейках.

Кто-то держит ребёнка.

Кто-то смеётся от нервов.

Медицинский голос повторяет:

— Процедура необходима для вашего здоровья.

— А сколько она продлится? — спрашивает мужчина.

— Это зависит от индивидуальных особенностей организма.

— А потом нас отпустят?

Пауза.

— Конечно.

Фёдор почувствовал холод.

Он уже знал, что было дальше.

Но тогда...

Тогда они ещё не знали.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок.

И за стеклом появились фигуры Спасителей.

Фёдор снова услышал голос:

— Добро пожаловать в новую жизнь.

Он резко открыл глаза.

Снова туннель.

Снова старый стул.

Снова Люда.

Фёдя тяжело дышал.

Он провёл ладонью по лицу.

Теперь он вспомнил.

Не отдельный эпизод.

Не обрывок.

Всю картину.

Как они пришли.

Как им поверили.

Как сами люди встали в очереди.

Как отдавали им детей.

Как садились в транспорт, думая, что едут на лечение.

Никто не заставлял их бежать в первый день.

Никто не тащил их силой.

Они сами шли навстречу своим спасителям.

Фёдор посмотрел на Люсю.

— Мы сами впустили их...

Он сказал это почти беззвучно.

И от этой мысли стало страшнее всего.

Фёдор помнил, как их разделили.

Тогда он ещё не понимал, что это будет последний раз, когда они стоят рядом всей семьёй.

Они находились в огромном белом помещении. Слишком чистом, слишком ярко освещённом. Людей вокруг было много. Все растерянно оглядывались, держались за руки, пытались не потерять друг друга в толпе.

На стенах не было ни одного окна.

Только ровные белые панели и светящиеся полосы под потолком.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, — мягко произнёс механический голос. — Разделение необходимо для проведения медицинских процедур. Это временная мера.

Фёдор помнил, как крепко отец держал его за плечо.

— Всё будет хорошо, — сказал он тогда. — Нас просто

распределят. Потом снова встретимся.

Фёдя кивнул, хотя внутри уже появилось странное чувство тревоги.

Перед ними остановилась одна из машин.

На экране появились две надписи:

ЖЕНСКИЙ БЛОК.

МУЖСКОЙ БЛОК.

Женщин начали направлять в один коридор.

Мужчин — в другой.

— Мама? — Фёдор посмотрел на неё.

Мать сразу взяла Люду за руку.

Люда была ещё маленькой. Она ничего не понимала и только испуганно смотрела на взрослых.

— Мам, а мы куда?

— Вместе, — быстро ответила мать. — Мы с тобой вместе.

Фёдя сделал шаг к ним.

— Я тоже с вами.

Но сотрудник в светлой форме перегородил дорогу.

— Мужской блок находится в другом направлении.

— Я с семьёй, — сказал Фёдор.

— Разделение обязательно.

— Но это моя мать. И сестра.

— Ваша семья будет в безопасности.

Фраза прозвучала спокойно. Даже заботливо.

От этого она запомнилась Фёдору ещё сильнее.

Он посмотрел на мать.

Та уже стояла рядом с другими женщинами.

— Мама…

Мать попыталась улыбнуться.

— Иди, сын. Мы скоро увидимся.

Фёдор не хотел уходить.

Он видел, как мать уводят вместе с Людмилой.

Люся обернулась.

— Фёдя!

Он рванулся к ней, но его удержали.

— Люда!

— Фёдя!

Их разделяла всего лишь несколько метров.

Но эти несколько метров казались бесконечными.

Мать крепко прижала Люду к себе.

— Не бойся, — сказала она дочери. — Я рядом.

Дверь между блоками начала закрываться.

Фёдор успел увидеть лицо Людмилы в последнюю секунду.

Потом белая створка сомкнулась.

Щёлкнул замок.

И женский блок исчез из виду.

Фёдя тогда ещё верил, что это ненадолго.

Он верил словам отца.

Верил голосу системы.

Верил, что их действительно лечат.

Что через несколько часов или дней они снова встретятся.

Но мужской блок тоже оказался закрытым.

И тогда Фёдя впервые понял:

их не просто распределили.

Их разлучили.

Не спросив.

Не объяснив.

Не оставив выбора.

Он помнил тот коридор.

Помнил холодный металлический пол.

Помнил, как отец стоял рядом, смотрел на закрытую дверь и долго ничего не говорил.

А потом тихо произнёс:

— Надо было не отпускать их.

Фёдор запомнил эти слова.

На всю жизнь.

Потому что именно тогда началось исчезновение их семьи.

Сначала их разделили.

Потом изменили.

Потом заставили забыть.

А теперь Фёдор сидел в подземном убежище и смотрел на Люсю, лежащую без сознания.

И впервые за много лет понимал всю правду.

Они не потеряли друг друга случайно.

Их забрали друг у друга.

Фёдор помнил, что случилось потом.

Не сразу.

Сначала ничего не изменилось.

Мужской блок выглядел так же, как и всё остальное. Белые стены. Ровный свет. Ряды пластиковых стульев, прикрученных к полу. Воздух пах чем-то стерильным, почти больничным.

Отец стоял рядом.

Его лицо было напряжённым, но он старался не показывать этого.

— Скоро нас отпустят, — сказал он. — Это стандартная процедура.

Фёдор кивнул.

Ему было страшно, но он верил отцу.

Вокруг сидели и стояли десятки мужчин. Кто-то тихо разговаривал. Кто-то смотрел в пол. Один пожилой человек молился, перебирая пальцами невидимые чётки. Рядом с Фёдором стоял мальчик лет двенадцати — один, без родителей. Он обнимал себя за плечи и молчал.

Двери были закрыты.

Фёдор не помнил, когда именно они закрылись. Просто в какой-то момент он понял, что выхода больше нет.

А потом изменился звук.

Тихое шипение.

Едва слышное.

Будто где-то в стене открылся крошечный клапан.

Фёдор сначала не обратил внимания.

Потом почувствовал запах.

Сладковатый.

Неприятный.

Не похожий ни на что, что он знал раньше.

— Вы чувствуете? — спросил кто-то.

Несколько человек подняли головы.

Шипение усилилось.

Оно шло отовсюду. Из-под потолка. Из вентиляционных решёток. Из щелей между белыми панелями.

Воздух начал мутнеть.

Сначала едва заметно — будто лёгкая дымка повисла под лампами. Потом гуще. Сероватый туман медленно опускался вниз, заполняя пространство между людьми.

— Что это? — голос отца прозвучал резко.

Никто не ответил.

Первым закашлялся мальчик рядом с Фёдором.

Коротко.

Сухой, лающий кашель.

Потом ещё раз.

И ещё.

Он согнулся пополам, хватаясь за горло.

— Эй, — Фёдор протянул к нему руку. — Ты в порядке?

Мальчик не ответил.

Его глаза начали закатываться.

Колени подогнулись.

Он упал на пол без звука.

Фёдор замер.

Вокруг начали кашлять другие.

Один мужчина.

Второй.

Десятый.

Кашель нарастал лавиной — от тихого покашливания до надрывных, хриплых спазмов. Люди хватались за стены. Падали на колени. Пытались закрыть рот ладонями.

— Не дышите! — крикнул кто-то.

Но было уже поздно.

Фёдор почувствовал, как голова стала тяжёлой.

Будто кто-то налил внутрь свинец.

Ноги перестали слушаться.

Он покачнулся.

— Папа...

Отец стоял рядом, держась за стену. Его лицо побелело. Глаза были красными, слезились.

— Держись, — прохрипел он. — Держись, Федя...

Но сам уже едва стоял.

Фёдор попытался сделать вдох.

Ошибка.

Сладковатый газ обжёг лёгкие изнутри.

Мир поплыл.

Белые стены начали вращаться.

Свет стал слишком ярким. Потом слишком тусклым. По-

том снова ярким.

Кто-то рядом рухнул лицом в пол.

Потом ещё кто-то.

Тела падали одно за другим — как куклы, у которых разом перерезали нити. Мужчина, который молился, осел на стуле, уронив голову на грудь. Пожилой человек рядом с ним уже лежал на боку, не двигаясь.

Фёдор почувствовал, как колени ударились о холодный пол.

Он даже не понял, когда упал.

— Па... па...

Отец был где-то рядом.

Фёдор видел его руку.

Она тянулась к нему.

Пальцы дрожали.

Но не дотянулись.

Рука упала на пол.

Отец закрыл глаза.

Фёдор попытался кричать.

Не получилось.

Горло не работало.

Язык стал чужим.

Тяжёлым.

Последнее, что он видел, — белый потолок и серую пелену газа, которая накрыла его, как одеяло.

Последнее, что он слышал, — тишину.

Неестественную.

Абсолютную.

Ни кашля.

Ни криков.

Ни шёпота.

Только шипение.

А потом — ничего.

Фёдор открыл глаза.

Снова туннель.

Снова старый стул.

Снова Люда рядом.

Он сжал подлокотники так, что побелели костяшки.

Много лет.

Годы он не помнил этого.

А теперь помнил каждую секунду.

Как их заперли.

Как их отравили.

Как они падали один за другим, думая, что пришли лечиться.

Фёдор посмотрел на свои руки.

Они дрожали.

— Мы не были пациентами, — прошептал он.

Голос сорвался.

— Мы были материалом.

Глава 3. Имя больше не требуется

Фёдор открыл глаза.

Сначала — только белый, ослепительный свет. В голове гудело, будто внутрь налили свинца и теперь раскачивали его из стороны в сторону. Он попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Руки лежали на холодном полу, а шею сдавливало что-то тяжёлое и холодное.

Металл.

Фёдор поднял дрожащую руку и коснулся шеи. Широкий, плотно подогнанный ошейник. Он коротко щёлкнул, стоило Фёдору попытаться сдвинуть его с места. Рядом застонал отец. Он тоже лежал на полу, и на его шее темнел такой же чёрный металлический обруч.

Воздух в помещении стал сухим, с металлическим привкусом озона. Фёдор с трудом сел, опираясь на край пластикового стула, прикрученного к полу. Вокруг лежали десятки мужчин и подростков. Кто-то лицом вниз, кто-то сидел, прислонившись к стене. Тишину нарушало лишь ровное гудение ламп на потолке.

Дверь открылась бесшумно. В проёме возникли фигуры в светлых одеждах. Высокие, слишком высокие. Их лица скрывала слепящая подсветка из коридора, но двигались они неестественно синхронно, словно по невидимой команде. Все трое шагнули внутрь одновременно. Левой ногой. В

один и тот же момент.

— Добро пожаловать, — голос раздавался отовсюду: из стен, из потолка, из самого воздуха. Он был мягким, почти ласковым. — Процедура подготовки завершена. Вы чувствуете лёгкое недомогание. Это нормально. Организм адаптируется к контроллерам.

Мужчины начали подниматься, держась за головы. Отец Фёдора открыл глаза тяжело, но в его взгляде уже читалось холодное, трезвое понимание. Он поднялся и помог встать сыну.

— Держись, — прошептал он. — Не показывай, что боишься.

— Пожалуйста, выстройтесь в шеренги, — продолжил голос. — По росту. От меньшего к большему. Не сопротивляйтесь. Сопротивление вызывает дискомфорт.

Никто не двигался. Молодой крепкий мужчина шагнул вперёд.

— А что будет, если мы откажемся?

Фигуры не ответили сразу. Пауза длилась ровно три секунды.

— Отказ зафиксирован.

Мужчина вдруг дёрнулся, схватился за голову и закричал. Коротко, резко, будто ему в виски вонзили раскалённые иг-

лы. Ошейник на его шее тускло мигнул. Он упал на колени.

— Хватит! — крикнул кто-то. — Хватит! Мы встанем!

Мужчины начали медленно двигаться. Фигуры наблюдали, их головы поворачивались, следя за каждым. Когда шеренги выстроились, голос произнёс:

— Благодарим за сотрудничество. Следующий этап начнётся через двенадцать минут.

Фигуры так же синхронно развернулись и вышли. Дверь закрылась. Но расслабиться не дали. Скоро началась сортировка.

Фёдор помнил, как уводили мальчиков. Им было меньше семи лет. Совсем маленькие. Кто-то цеплялся за одежду отцов, кто-то плакал так сильно, что не мог говорить.

— Мама! Я хочу к маме! Папа! Не уходи!

Надзиратели оставались совершенно спокойными. Они шли рядом с детьми одинаковым шагом. Раз. Два. Раз. Два. На их лицах не было ни злости, ни жалости. Только спокойное выполнение приказа.

Один из мальчиков вырвался и побежал обратно к отцу. Мужчина бросился ему навстречу, но надзиратель перехватил ребёнка.

— Отпустите его! — закричал отец, пытаясь вырвать сы-

на. Другие мужчины тоже дёрнулись с мест.

В тот же миг ошейники на шеях мужчин вспыхнули. Раздался знакомый треск. Мужчина, бросившийся вперёд, рухнул на колени, другого отбросило к стене.

Фёдор стоял рядом со своим отцом. Он смотрел прямо перед собой. Не на детей. Не на надзирателей. Куда угодно, только не туда. Отец тоже отвернулся. Фёдор видел, как напряглась его челюсть, как побелели костяшки сжатых кулаков. Он знал: отец хочет посмотреть, хочет запомнить лица, хочет броситься туда.

Но нельзя. Ошейник всё чувствовал. Датчики отслеживали пульс, движения, эмоциональную реакцию. Система называла это «эмоциональной нестабильностью». А нестабильных забирали.

— Не смотри, — тихо, одними губами произнёс отец.

Фёдор сглотнул и заставил себя смотреть в серую стену. Детские голоса продолжали звучать за спиной, пока шаги надзирателей не растворились в глубине коридора. В тот день Фёдор понял страшную вещь: система не просто отнимала детей. Она заставляла родителей самим отворачиваться от них, чтобы выжить. Больше Фёдор никогда не видел этих мальчиков, но их голоса продолжали звучать в его голове.

Мужчин и мальчиков старше семи лет вывели через другой коридор и погрузили в транспорт. За окнами постепенно исчез город, потом дороги. Остались только серые ограждения, бетонные стены и вышки с камерами. Так они оказались

в закрытой зоне.

Надежда на то, что это временно, умерла быстро. День за днём мужчины просыпались под резкий сигнал: «Подъём, построение, проверка, работа». Камень, металл, тяжёлые контейнеры. Работа заканчивалась только тогда, когда система решала, что норма выполнена. Солнца они почти не видели. Только искусственное освещение, которое включалось и гасло по расписанию, стирая понятие времени.

Еду выдавали одинаковыми серыми контейнерами с синтетической пастой — густой, без запаха и вкуса.

— А нормальной еды не будет? — однажды спросил Фёдор.

Раздатчик даже не поднял головы:

— Питательная потребность организма обеспечена. Вопрос не предусмотрен.

Но самое страшное произошло, когда у них окончательно отняли имена. Их выстроили в длинном коридоре перед экраном.

— Идентификация. Назовите имя.

— Сергей.

Сканер мигнул. На экране появилась цифра: 417.

— С этого момента ваш идентификатор — 417.

Когда очередь дошла до Фёдора, он сделал шаг вперёд:

— Фёдор.

На экране возникло: 426.

— Ваш идентификатор — 426.

— А имя? — не выдержал он.

— Имя больше не требуется. Следующий.

Через несколько дней мужчины почти перестали называть друг друга по именам. Даже между собой они говорили цифрами, боясь ошибиться. Имя напоминало, что ты был кем-то, а здесь это считалось нарушением. Но Фёдор каждый вечер повторял про себя одно и то же: «Кукурузка». Чтобы не забыть. Чтобы хотя бы одно настоящее имя осталось у него внутри. Он не знал, жива ли его сестра Люда, но пока он помнил её, они не исчезли окончательно.

Иногда во время еды он закрывал глаза и вспоминал голос матери: «Федя, не забудь поесть». Ни один контроллер, ни один номер не мог изменить этого.

Шли годы. Лица вокруг менялись: кто-то старел, кто-то

заболевал, кого-то однажды просто не становилось в строй. Фёдор постепенно привык к своему номеру, научился не смотреть на камеры, прятать воспоминания. Но забыть Люсю не мог.

Именно его отец первым начал искать слабые места в охране. Он не был лидером, просто молодым мужчиной, которого лишили семьи. Он запоминал, когда открываются двери, где поворачиваются камеры, где на стенах загораются красные индикаторы. Ночами он шёпотом рассказывал Фёдору:

— Здесь камера слепнет примерно на три секунды.

— Ты уверен?

— Я проверял. Мы отсюда выйдем. Найдём маму. И Люду. В первую очередь Люду.

Но первая попытка побега закончилась быстро. Отец дождался, когда коридор оказался пустым, и сделал шаг к технической двери. Ошейник коротко завибрировал.

— Вернитесь на маршрут, — спокойно произнёс механический голос.

Отец замер, но потом сделал ещё один шаг. В его глазах Фёдор увидел не страх, а отчаяние. Где-то за другой стеной были его жена и дочь. Ошейник резко сработал. Отец упал

на колени. Фёдор бросился к нему, но охрана уже приближалась.

— Не трогай его! — крикнул отец, поднимаясь с трудом.

На следующий день он снова вышел на работу. Но тот день стал началом. Отец не нашёл выход сразу, но доказал одну вещь: у системы есть двери, камеры и правила. А значит, есть и слабые места. Вскоре к нему начали подходить другие мужчины. Тихо, без лишних слов.

— Ты тоже ищешь выход?

— Да.

— Тогда будем искать вместе.

Так всё и началось. Не с великого плана, а с одного отчаявшегося человека, который решил не ждать разрешения выйти.

За непослушание здесь наказывали физически. Система не кричала и не угрожала. Она просто фиксировала нарушение и забирала человека за стену. Оттуда возвращались сломленными. Однажды забрали и отца. Он слишком долго задержался возле технического коридора.

— 312, следуйте за сотрудником контроля.

Отец посмотрел на Фёдора. Всего на секунду, но этого

взгляда хватило. Фёдор остался стоять в строю, а сердце билось так сильно, что ему казалось: ошейник это зафиксирует.

Отец вернулся вечером. Шёл медленно, но сам.

— Пап… — тихо начал Фёдор.

— Ничего, — остановил его отец. Сел на койку и посмотрел на сына. — Они хотят, чтобы мы боялись.

— А если мы будем бояться?

— Тогда они победят.

Это было первое настоящее правило, которое отец передал Фёдору. Страх должен был заставить их подчиняться. И именно поэтому отец продолжал искать выход. Даже после боли. Даже понимая, что следующая попытка может стать последней. Он просто не мог смириться с мыслью, что где-то за стенами его жена и дочь живут в мире, где их имена заменили номерами.

Фёдор учился выживать.

Не драться.

Не бунтовать.

Не бросаться на охрану.

Выживать.

После нескольких наказаний он понял: контроллеры реагировали не только на прямое неповиновение. Любое резкое

движение, попытка выйти за пределы разрешённой зоны или слишком долгое сопротивление приказу могли закончиться ударом.

Поэтому Фёдор начал наблюдать.

Он учился читать по губам.

Охрана редко говорила с ними напрямую, но иногда сотрудники контроля переговаривались между собой. Фёдор смотрел на их лица издалека и пытался угадывать слова.

Сначала получалось плохо.

Потом лучше.

Он научился различать отдельные короткие фразы.

«Проверка».

«Смена».

«Сектор».

«Нарушение».

«Увести».

Особенно внимательно он следил за теми, кто стоял возле камер и дверей.

Он запоминал не только слова.

Движения.

Повороты головы.

Жесты.

Взгляды.

Если охранник внезапно смотрел в сторону — Фёдор понимал, что где-то произошло что-то ещё.

Если двое сотрудников начинали говорить между собой,

он старался понять, о чём именно.

Постепенно он научился двигаться почти бесшумно.

Сначала это было просто осторожностью.

Потом стало привычкой.

Он ставил ноги мягко.

Не задевал металлические конструкции.

Не бросал инструменты.

Закрывал двери медленно, придерживая их рукой.

Даже когда другие мужчины торопились, Фёдор двигался спокойно.

Он знал:

Резкий звук мог привлечь внимание.

Лишнее движение могло вызвать приказ.

А приказ системы лучше было выполнить до того, как контроллер напомнит о себе.

Отец заметил это первым.

— Ты стал тише ходить, — сказал он однажды.

Фёдор пожал плечами.

— Так безопаснее.

Отец посмотрел на него и едва заметно кивнул.

— Правильно.

Постепенно к ним присоединились ещё несколько мужчин.

Они тоже хотели выбраться.

Но никто не называл это планом побега.

Слишком опасное слово.

Они говорили:

— Когда-нибудь.

Или:

— Если появится возможность.

Или просто:

— Нужно ждать.

Они собирались небольшими группами там, где камеры не могли видеть лица достаточно хорошо.

Михаил всегда приходил последним. Он сначала обходил периметр, убеждался, что смена сменилась по графику, и только потом спускался в укрытие. Когда он садился, остальные уже замолкали — ждали его кивка.

— Смена в северном коридоре задержалась на две минуты, — тихо говорил он. — Значит, завтра будет то же самое.

Семён записывал это в память. Михаил не ошибался.

Разговаривали тихо.

Иногда вообще не разговаривали.

Один наблюдал за коридором.

Другой следил за охраной.

Третий запоминал расписание.

Четвёртый смотрел на двери.

Никто не хотел быть героем.

Все хотели дожить до момента, когда появится шанс.

Отец постоянно повторял:

— Не торопитесь.

Один из мужчин однажды не выдержал.

— Мы уже столько лет здесь!

— Именно поэтому нельзя торопиться, — ответил отец.

— А если возможности не будет?

Отец посмотрел на него.

— Тогда будем ждать следующую.

Мужчина отвернулся.

Фёдор понимал отца.

Здесь нельзя было позволить себе ошибку.

Один необдуманный поступок мог привести к наказанию.

А иногда — к тому, что человека просто больше не увидят.

Поэтому они наблюдали.

День за днём.

Месяц за месяцем.

Год за годом.

Они знали, когда меняется охрана.

Больше всех в сменах охраны разбирался Михаил — тихий мужчина с седыми висками, который когда-то работал диспетчером. Он не просто запоминал, кто и когда заступал на пост. Он вёл в голове сложную таблицу: сколько человек в смене, как долго они обходят периметр, где задерживаются, а где проходят быстро. Однажды Семён спросил его:

— Откуда ты так точно знаешь?

Михаил пожал плечами.

— У них есть привычки. Люди всегда повторяют одно и то же.

С тех пор именно Михаил первым замечал, если что-то менялось. Если смена задерживалась на минуту. Если один из надзирателей начинал ходить по новому маршруту. Если в коридоре появлялся тот, кого раньше не видели.

Знали, какие камеры поворачиваются быстрее.

Знали, какие двери открываются автоматически.

Знали, в какие часы технические коридоры почти пустуют.

Но самого главного они пока не знали — как выбраться.

Именно поэтому им оставалось ждать.

Фёдор научился терпению.

Он больше не смотрел на закрытую дверь с отчаянием.

Он смотрел на неё внимательно.

Искал щель.

Задержку.

Ошибку.

Любую мелочь, которая однажды могла стать выходом.

Он уже понимал главное:

Система рассчитывала, что они будут либо подчиняться, либо пытаться вырваться в ярости.

Она не была готова к третьему варианту.

Спокойно ждать.

Наблюдать.

Запоминать.

И не показывать, что ты ждёшь.

Фёдор, его отец и остальные пока оставались просто номерами.

Но где-то внутри они уже снова становились людьми.

Потому что у них появилась общая цель — когда-нибудь выйти отсюда.

Однажды вечером Фёдор сидел на краю своей койки.

В жилом секторе было тихо. Большинство мужчин уже легли. Где-то в конце помещения монотонно гудела вентиляция.

Рядом на металлической койке сидел его отец.

Для системы он был 312.

Как и все остальные, он давно привык к этому номеру.

Но в ту ночь один из мужчин подошёл к нему и тихо спросил:

— 312… Как тебя зовут?

Отец поднял глаза.

Несколько секунд молчал.

Слово казалось непривычным.

Будто оно принадлежало далёкому прошлому.

Потом он ответил:

— Семён.

Фёдор замер.

Он знал своего отца всю жизнь.

Но за годы в закрытой зоне почти никогда не слышал, чтобы его называли по имени.

Семён.

Настоящее имя.

Не номер.

Не обозначение в системе.

Не запись в базе.

Имя.

Мужчина кивнул.

— Семён…

Он произнёс его тихо, словно проверяя, не забыл ли сам, как звучат человеческие имена.

— А тебя?

— Виктор.

Семён посмотрел на него.

— Хорошо, Виктор.

Через несколько минут рядом появились ещё двое.

Потом ещё один.

Они говорили почти шёпотом.

О работе.

О камерах.

О сменах охраны.

О дверях.

О том, что они замечали за последние месяцы.

Фёдор слушал.

И постепенно понял: мужчины приходили не просто поговорить.

Они приходили к Семёну.

Если кто-то замечал что-то подозрительное — рассказывал ему.

Если кто-то знал о другом секторе — сообщал ему.

Если возникал вопрос, который нельзя было задавать системе, его задавали Семёну.

Он не назначал себя главным.

Никто его не выбирал.

Просто однажды люди начали ждать его решения.

— Семён, сегодня охрана менялась раньше.

— Семён, в северном коридоре поставили новую камеру.

— Семён, одного из наших снова забрали.

Он всегда отвечал спокойно.

— Не торопитесь.

— Наблюдаем.

— Запоминаем.

— Пока ничего не предпринимаем.

Некоторые злились.

— Мы сколько ещё будем ждать?

Семён смотрел на них.

— Столько, сколько потребуется.

— А если мы так и останемся здесь?

Он не отвечал сразу.

Потом говорил:

— Тогда мы умрём здесь.

Мужчины молчали.

— Но если бросимся на охрану сейчас, мы точно умрём здесь, — продолжал Семён. — А я хочу, чтобы у нас был хотя бы шанс.

Он не обещал им свободу.

Не говорил, что знает выход.

Он вообще не знал, получится ли когда-нибудь выбраться.

Но он знал другое.

Система ждала от них страха.

Отчаяния.

Импульсивности.

Она рассчитывала, что человек сорвётся.

Что попытается бежать один.

Что нарушит приказ.

Что контроллер остановит его раньше, чем он успеет сделать несколько шагов.

Поэтому Семён учил их обратному.

Терпению.

Тишине.

Наблюдению.

Они должны были оставаться незаметными.

Днём работать.

Выполнять приказы.

Не смотреть слишком долго.

Не задавать лишних вопросов.

Не показывать эмоций.

А ночью — вспоминать.

Запоминать.

Обсуждать.

И ждать.

Фёдор смотрел на отца и постепенно понимал, почему остальные ему доверяли.

Семён не был самым сильным.

Не был самым громким.

Он просто не позволил себе забыть, ради чего нужно выбраться.

За стенами всё ещё оставались люди, которых они любили.

Жёны.

Дети.

Сёстры.

Матери.

И у каждого из них когда-то было имя.

Семён помнил своё. И имена близких: Фёдор, Люся, Наталья.

Он хранил эти имена внутри так же тщательно, как схемы охраны.

Потому что однажды они должны были понадобиться им снова.

Когда они выйдут отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.